

УДК 811.222.1-119

ОППОЗИЦИЯ «Я – ДРУГОЙ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Мазепова Е.В.

Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, e-mail: philolog@univ.kiev.ua

Проведен анализ особенностей языковой репрезентации оппозиции «Я–Другой» в персидском лингвокультурном пространстве на материале паремиологического фонда персидского языка. Указанная оппозиция является одной из базовых оппозиций культуры, которые восходят к древнейшим, архетипическим представлениям человека. Исследование отображает результаты одного из этапов комплексного семантико-когнитивного анализа указанной концептуальной оппозиции, целью которого является определение набора универсальных и идиоэтнических когнитивных признаков, свойственных данной оппозиции в персидском языковом сознании. Все паремии, эксплицитно или имплицитно содержащие релевантную для указанной оппозиции семантику, были разбиты на четыре группы: 1) отношения с людьми вообще; 2) отношения с соседями; 3) отношения с родственниками; 4) отношения «друзья–враги».

Ключевые слова: лингвокультура, паремия, языковое сознание, когнитивный признак

THE «SELF / OTHER» BINARY IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE PERSIAN LANGUAGE

Mazepova Y.V.

Institute of Philology of Taras Shevchenko Kyiv National University, Kyiv, e-mail: philolog@univ.kiev.ua

In this study the analysis of the particularities of lingual representation of the “Self / Other” binary in the Persian lingua-cultural area on the basis of the Persian paremiological fund has been done. This binary is one of the basic cultural binaries which are derived from ancient archetypical perceptions of human. The article contains the results of one of the stages of complex semantic-cognitive research of the mentioned conceptual binary, the main goal of which is to determine the set of specific cognitive features of both universal and ethnical nature inherent in this binary in the Persian lingual consciousness. All the paremiological units (proverbs and sayings) containing the necessary semantics in explicit or implicit way were divided into four groups: 1) relations among people in general; 2) relations among neighbors; 3) relations among relatives; 4) relations «friends – foes».

Keywords: lingua-culture, paremiological unit, lingual consciousness, cognitive feature

Антропоцентрический характер современной лингвистики, обусловленный возрастанием интереса к статусу человека, проблемам его взаимодействия с окружающим миром и себе подобными, требует от исследователей пристального внимания к вопросам языковой концептуализации действительности. В аспекте взаимодействия человек – сознание – язык – культура особенно актуальным представляется изучение бинарных концептуальных оппозиций, присущих сознанию представителей разных лингвокультур, и их языковой репрезентации. Одной из таких оппозиций является оппозиция «Я – Другой» (в более широком варианте – «свой–чужой»), которая наряду с такими оппозициями, как: «верх–низ», «далеко–близко», «хорошо–плохо», «много–мало», «право–лево» и др., относится к числу базовых оппозиций культуры, восходящих к древнейшим, архетипическим представлениям [3, 297].

Отношение человека к другому человеку, к людям вообще, взаимоотношения между членами одного лингвокультурного коллектива невозможны без подключения когнитивно-оценочного фактора, который влияет на формирование определенных

стереотипов в общественном сознании. Именно совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для того или иного лингвокультурного сообщества, определяется специфика менталитета его представителей. Стереотипы сознания, закодированные в единицах языка, самими носителями этого языка могут не осознаваться. Однако эти представления можно выявить, обратившись к изучению семантики фразеологических и паремиологических единиц языка, в наибольшей степени отражающих обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей. По мнению В.Н. Телия, пословицы – это «прескрипции-стереотипы народного самосознания», «по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [7, 240–241].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать особенности языковой репрезентации концептуальной оппозиции «Я – Другой» в паремиологическом фонде персидского языка с использованием

методики семантико-когнитивного описания концептов, разработанной в современной когнитивной лингвистике [4]. Цель исследования состоит в определении набора когнитивных признаков, свойственных указанной оппозиции в персидском языковом сознании. Материалом исследования послужили 150 паремиологических единиц персидского языка, отобранные методом сплошной выборки, в которых эксплицитно или имплицитно содержится релевантная для указанной оппозиции семантика.

Проведенный анализ позволяет предположить, что персам не свойственно осмысливать ситуацию «Я – Другой» через личностный стереотип, представленный посессором Я, как это характерно, к примеру, для украинского языкового сознания [6, 198]. По мнению исследователей, в украинской ментальности это связано с «индивидуалистским кодом ценностей, стимулирующим мотивацию достижений, личностную независимость, автономность, стремление опереться только на собственные силы, уверенность». Одним из системообразующих признаков менталитета украинцев является «анархический индивидуализм, проявляющийся в разных формах опосредованного желания личной свободы при отсутствии организации, стойкости и дисциплины» [1, 66–67]. Говоря в связи с этим о ментальности носителей персидского языка, можно отметить их МЫ–ментальность, в отличие от украинской Я–ментальности.

Однако сказанное не означает, что персидскому языковому сознанию чужда идея любви и хорошего отношения индивида к самому себе. Когнитивный признак ценности собственной личности, в чем можно усмотреть элемент индивидуалистского мироощущения, присутствует в таких паремиях: **avval xiš dovvom (sepas) darviš** *Сначала подумай о себе, потом о нищем* [8, 120]; **hičkas az digarān rāzi va az xod nārāzi nist** *Нет никого, кто был бы доволен другими и недоволен собой* [2, 615]; **har parande āšeq-e sedā-ye xod-aš-ast** *Каждая птица влюблена в свой голос* [9, 88]. Можно заметить, что образность последней паремии основана на использовании в качестве донорской сферы животного мира.

В аспекте взаимодействия «Я – Другой» паремиологический фонд персидского языка позволяет выделить четыре группы отношений:

- 1) отношения с людьми вообще;
- 2) отношения с соседями;
- 3) отношения с родственниками;
- 4) отношения «друзья–враги».

«Отношения с людьми вообще» мы сочли возможным поделить на две подгруппы:

а) отношения со «своими»;

б) отношения с посторонними людьми.

В первой подгруппе отмечено наличие таких когнитивных признаков:

1) поддержка и взаимопонимание близкими людьми друг друга (соотв. рус. Свой своему поневоле брат): **āšnā dānad zabān-e āšnā** *Язык знакомого знает знакомый* [7, 86]; **zabān-e xar-rā xalaj dānad** *Язык ослы понимает погонщик* [7, 216–217]; **zabān-e morqān morqān midānand** (букв. Язык птиц понимают птицы) [2, 335]; **kabutar bā kabutar bāz bā bāz** *Голубь с голубем, сокол с соколом* с полным вариантом в виде крылатого выражения Незами: **kabutar bā kabutar bāz bā bāz / konad hamjens bā hamjens parvāz** *Летают вместе лишь птицы одного полета: голубь с голубем, сокол с соколом* [2, 611];

2) невозможность причинить близкому человеку неприятность, боль: **sar-o tah yek kerbās-and** *Одного поля ягода* (букв. Сверху донизу – из одного холста) [2, 467]; **čāqu daste-ye xod-aš-rā naborad** (букв. Нож не отрежет собственную рукоятку) [7, 171]. Как можно заметить, при осмыслении отношений со «своими» людьми в качестве донорских используются не только знаки зоосферы, но и сферы бытовых предметов.

Правила поведения с «людьми вообще» несколько в упрощенном виде определяет Саади: **bā badān bad bāš bā nikān nik / jā-ye gol gol bāš-o jā-ye xār xār** *Со злыми будь злым, с добрыми – добрым, / Среди роз будь розой, среди шипов – шипом* [7, 165]. Однако более пристальный анализ позволил выделить несколько «практических рекомендаций» взаимодействия с другими людьми. Так, для общения необходимо выбирать людей достойных, чтобы самому становиться лучше: **hamnešin-am beh bovad tā man az ān behtar šavam** *Человек, с которым я общаюсь, должен быть хорошим, чтобы я сам стал лучше* [7, 303]. Когнитивный признак, эквивалентный тому, что содержится в русской паремии: «Обращайся с людьми так, как хочешь, чтобы они обращались тобой», находим в изречении Атгара: **bā kasān ān kon ke bā xod mikoni** *Поступай с людьми так, как поступил бы с собой* [7, 501]. Кроме того, персидская этика предписывает не выделяться из толпы, а подстраиваться под других и выглядеть «как все»: **āntour boxor ke xod xāhi / āntour bepuš ke mardom xāhand** *Ешь так, как сам хочешь, но одевайся так, как люди хотят* [7, 92]; **Xāhi našavi resvā hamrang-e jamā'at šow** *Не хочешь опозориться, будь как другие* [7, 193].

Известно, что в паремиологическом фонде любого языка об одном и том же

явлении действительности можно найти совершенно противоположные представления. Так, некоторые персидские паремии советуют не стремиться к излишней близости с другими людьми, напр.: **makub dar-e kas-i-rā tā nakuband dar-at-rā** *Не стучи ни в чью дверь, чтобы не постучали в твою* [7, 282]; **na dard-e del-at-rā be kas-i begu, na az dard-e del-e kas-i bepors** *Не говори никому про то, что у тебя на сердце, и не спрашивай других о том, что у них на сердце* [8, 154]. Однако, другая паремия констатирует пользу от такого взаимодействия: **dard-e del kardan bā digarān bār-e moškel-rā sabok mikonad** *Если поделиться с другими своей проблемой, тяжелый груз станет легче* [8, 137].

Персидское сознание негативно оценивает людей, неразборчивых в связях, стремящихся все обернуть себе на пользу. Так, когнитивный признак, содержащийся в русской паремии «И нашим и вашим», прослеживается в персидской пословице: **az har taraf bād miāyad bād-aš midehad** *Откуда бы ветер ни подул, он свое проветривает* [9, 107].

Отношения с соседями являются, на наш взгляд, наиболее существенными в системе отношений персов с другими людьми, поскольку согласно народной мудрости, соседи могут быть лучше родственников. В сфере отношений с соседями, регламентируемых персидскими паремиями, можно выделить такие когнитивные признаки:

1) важно поддерживать хорошие отношения с соседями: **hamsāye-rā bepors xāne-rā bexar** *Сначала узнай, кто будет твоим соседом, потом покупай дом* [7, 303]; **hamsāye-ye nik dar jahān fazl-ast** *Хороший сосед – милость Божья* [2, 611]; **hamsāye be hāl-e hamsāye āgāh-ast** *Сосед знает все о своем соседе* [2, 611]; **hamsāye ke dust-e man-ast behtar az qoum-o xiš-i ke durdast zendegi mikonad** *Мой друг-сосед лучше родственника, который далеко живет* [7, 61]; **hangām-i ke xāne-ye hamsāye-ye soma ātaš gerefte, xāne-ye soma niz dar xatar-ast** *Когда загорится дом вашего соседа, ваш дом тоже окажется в опасности* [2, 194] и др.;

2) соседа нужно уважать и ограждать от необоснованных подозрений: **hamsāye-rā be gonāh-e hamsāye nagirand** *Сосед за соседа не в ответе* [2, 611]; **pā-ye morq-at-rā beband-o hamsāye-rā dozd makon!** *Охраняй свое добро и не бросай соседа!* (букв. Свяжи ноги своей курице и не делай вором соседа!) [2, 91]; **māl-e hod-rā mohkam negāh dār va hamsāye-ra dozd makon!** (букв. Охраняй свое добро и не делай вором соседа!) [2, 537];

3) имущество соседа нередко вызывает зависть: **āš-e hamsāye rouqan-e qāz dārad**

В похлебке соседа есть гусиный жир; morq-e hamsāye qāz-ast / morq-e hamsāye be nazar qāz miāyad *Соседская курица кажется гусем* [2, 611; 8, 207] (ср. русск. *В чужих руках ломать велик*).

Негативный модус в персидском сознании имеет стремление во всем полагаться на соседа, иметь выгоду за его счет: **har kas be omid-e hamsāye nešast, gorosne mixābad**. *Всякий, кто сидит [ничего не делая], надеясь на соседа, ляжет спать голодным* [2, 611]. Не рекомендуется, к примеру: **mār-e xāne be dast-e hamsāye gereftan** *хватать змею руками соседа* [8, 273]. Довольно странный, на первый взгляд, культурный смысл содержится в паремии: **bačče-ye hod-rā mizanad tā češm-e hamsāye betarsad** *Своего ребенка бьет, чтобы сосед боялся* [2, 64]. Однако эта паремия лишь на поверхностном уровне задевает сферу отношений с соседями, на деле же она употребляется в значении: «говорить одному, чтобы слышал другой».

В отношениях с родственниками на первый план выходит когнитивный признак «собственный ребенок – наивысшая ценность»: **har kas-rā farzand-e xiš xoš namāyad** *Каждому его ребенок кажется красивым* [2, 607]. Этот признак отмечен в паремии, восходящей к преедентному тексту – сказке про Тетушку-Жучиху: **xāle suske be bačče-aš miguyad: qorbān-e dast-o pā-ye boluri-at** *Тетушка Жучиха говорит своему ребенку: Какие же у тебя славные хрустальные лапки* [8, 184]. Мы не будем детально останавливаться на отношениях родители–дети, перейдем к отношениям с родственниками, которые характеризуются неоднозначностью.

Некоторые пословицы рекомендуют осторожность в отношениях с родственниками: **avval barādari-yat-rā sābet kon ba'd edde'ā-ye ers kon** *Сначала докажи, что ты брат, потом требуй наследства* [7, 120]. Откровенно негативное отношение заложено в паремии, существующей в арабской языковой оболочке: **al-aqāreb al-aqāreb** *Родственники – это скорпионы* [7, 248]. Однако другая паремия: **qoum-o xiš gušt-e ham boxorand, ostoxān-ešān-rā piš-e sag-e (qaribe) nemiandāzand** *Родственники, даже если съедят друг друга, кости (чужим) собакам не бросят* [7, 248] свидетельствует о том, что родственники всегда поймут друг друга, даже если у них не всегда все ладится.

Среди отношений родства наиболее негативный модус имеют отношения между дальними родственниками. В этом контексте имеет место когнитивный признак «друг бывает лучше родственника»,

напр.: **hamsāye ke dust-e man-ast behtar az qoum-o xiš-i ke durdast zendegi mikonad** *Сосед, который является мне другом, лучше родственника, который далеко живет* [8, 61]. Фразеологизм, в котором задействованы знаки бытовой сферы – **pesarxāle-ye daste-ye dizi** *племянник ручки от котелка* [7, 149] содержит тот же когнитивный признак, что и русск. *седьмая вода на киселе* или укр. *нашому тинові двоюрідний пліт*. В более общем виде отношения с родственниками выражены в пословице: **ān xiš-e man-ast ke dar piš-e man-ast** *Тот мне родня, кто возле меня* [7, 91].

Анализ персидского пословичного фонда свидетельствует, что отношение персов к дружбе и друзьям в основном не выходит за рамки общечеловеческих представлений об этой сфере жизни. Когнитивный признак ценности верного, преданного друга, с которым можно разделить и радость, и горе, находим в таких паремиях: **rezā-ye dust be dast ār va digarān begozār** *Сделай довольным друга, а об остальных не думай* [7, 212]; **har ċe az dust mirasad niku-st** *Все, что исходит от друга, – благо* [7, 299]; **har ċand dustān bištar bāšad hojum-e balā barāyešān kamtar bāšad** *Чем больше друзей, тем легче переносить невзгоды* [2, 299]. Определение друга дает Саади: **dust ān bāšad ke girad dast-e dust dar parišānhāli va darmāndegi** *Друг тот, кто протянет тебе руку, когда ты в беде* [2, 299].

Во многих персидских паремиях отображено концептуальное противопоставление «друг–враг». В некоторых из них содержатся сентенции, понятные абсолютному большинству людей, корреляции с которыми можно найти в любой лингвокультуре, напр.: **bā dustān besāz va bar došman betāz** *Ладь с друзьями и сражайся с врагами*; **hezār dust andak ast yek došman besyār** *Тысячу друзей иметь мало, а одного врага – много* [2, 299]; **došman ċe konad ċu mehrabān bāšad dust** *Что может сделать враг, если хорошим будет друг?* [7, 204]; **del-e dustān azordan morād-e došmanān bar-āvordan** *Обижать друзей – радовать врагов* [8, 204]; **har ke bā došman be solh āyad sar-e āzār-e dustān dārad** *Кто заключает мир с врагами, обижает друзей* [2, 269] и др. Квинтэссенцию поведения с друзьями и врагами находим у Хафеза: **āsāyeš-e do giti tafsil-e in do harf ast / bā dustān morovvat bā došmanān modārā** *Спокойствие обоих миров заключено в соблюдении двух правил: с друзьями будь великодушен, с врагами – сдержан* [7, 493].

Понятно, что паремии, актуализирующие оппозицию «друг–враг», носят несколько архаичный характер и отсылают

к древней эпохе войн, когда мир делился на друзей и врагов, то есть на «своих» и «чужих». Паремии, регламентирующие отношения с врагами, демонстрируют наличие когнитивного признака «уважение к врагу и нецелесообразность его недооценки»: **došman natavān haqir va bičāre šomord** *Нельзя считать врага жалким и презренным* (Саади); **har ke došman-rā xār dārad pašimān gardad** *Кто будет презирать врага, раскается* [2, 269]. Когнитивный признак «враг может быть желанным гостем» содержится в паремии, демонстрирующей персидское гостеприимство: **xāne-ye por az došman bāšad behtar ast tā xāli bāšad** *дом, полный врагов, лучше, чем пустой дом* [7, 184].

Следует отметить, что в осмыслении персами дихотомии «друг–враг» прослеживаются и этно-специфические черты. В некоторых паремиях содержится когнитивный признак «умный враг лучше глупого друга», напр.: **došman-e dānā beh az nādān-e dust** [7, 204]. Эта же идея реализована в крылатом изречении Моуляви: **došman-e dānā boland-at mikonad / bar zamin-at mizanad nādān-e dust** *Мудрый враг возвысит тебя, но повергнет тебя на землю невежественный друг* [2, 268].

В обращении с друзьями персидская народная мудрость предписывает осторожность, так как со временем друзья могут превращаться во врагов: **har serr-i ke dāri bā dustān dar miyān maneh, ċe dāni ke ruz-i došman nagardand** *Не делись всеми секретами с друзьями, откуда тебе знать, не станут ли они когда-нибудь твоими врагами* [2, 366]; **be dusti-ye dustān e temād nist tā ċe rasad be tamalloq-e došmanān!** *Нельзя полагаться на привязанность друзей, что уж говорить о лести врагов!* [2, 299]. Наиболее странным и несколько сомнительным с точки зрения современной морали представляется крылатое выражение, принадлежащее Саади: **ċun foru māni be saxti tan be ajz madeh / došmanān-rā pust bar kan dustān-rā pustin** *Когда окажешься в трудном положении, не давай телу слабину: с врагов сдирай кожу, с друзей снимай шубу* [2, 113].

Немаловажную роль в концептуализации оппозиции «Я – Другой» и шире – «свой–чужой» играет религиозная сфера, которая занимает важное место в жизни персов-мусульман и может быть представлена отношениями:

- 1) мусульманин – не-мусульманин;
- 2) шиит – суннит.

К первой группе можно отнести паремии, передающие настороженное отношение персов к иноверцам, напр.: **har ke be din-e hod, isā be din-e hod, musā be**

din-e xod *Каждый со своей верой: Иисус со своей верой, Моисей – со своей* [2, 306]; **kāfer hame-rā be kiš-e xod pendārad** *Неверный думает, что все такие, как он* [8, 251]; **rahm xub-ast agar dar del-e kāfer bāšad** *Хороша милость, если оказана иноверцем!* [8, 212]. Последнюю пословицу употребляют в ироничном смысле, когда упрекают в жестокости.

Во вторую группу можно отнести пословицы, в которых нашли отражение реальные исторические события, имевшие место на территории Ирана и приведшие к противостоянию шиитов и суннитов. Недоверчивое отношение персов к суннитам проявляется, к примеру, во фраземе: **rāvi sonni ast** *Рассказчик – суннит*, которая употребляется в смысле: «все, что говорится, – неправда» [8, 211].

Кроме того, в современном повседневном общении иранцев функционируют паремии, которые отсылают к прецедентным ситуациям, связанным с именами праведных халифов Омара, Османа и Али. Особенно ярко проявляется противостояние между вторым халифом Омаром и четвертым халифом Али, основателем шиитского толка, особо почитаемым в Иране. Как известно, сунниты считают Омара идеальным правителем, так как во времена его правления халифат, неуклонно усиливавший свои политические и экономические позиции, превратился в одно из могущественнейших государств региона. Однако это не мешает шиитам до сих пор считать его узурпатором власти, не достойным уважения. Как известно, после смерти пророка Мохаммада на наследование власти претендовали четыре его верные соратника: Абу Бакр, Омар, Осман и Али. Шииты убеждены в том, что мусульманскую общину должен был возглавить Али, так как он приходился пророку родственником и был его зятем. Однако именно Омар предложил выборный принцип и первым пожал руку Абу Бакру, признав тем самым его право на наследование власти. Следом за ним и другие присутствовавшие пожалы руку будущему первому праведному халифу.

В сознании персов-шиитов настолько закрепились прецедентная ситуация противостояния Али и Омара, что имя Омара стало ассоциироваться с «чужими», а имя Али – со «своими». Так, выражение **bā kas-i ke yā ali goftim, yā omar nemiguym** (букв. Тому, кому сказали: «О, Али!», мы не скажем: «О, Омар!») [2, 426] употребляется в значении: «Если мы уже подружились с человеком,

враждовать с ним мы не станем», а фразема **omari šodan** (букв. стать последователем Омара) [8, 105] – в значении: «злиться, выходить из себя».

Еще одну прецедентную ситуацию воспроизводит пословица, которая передает смысл, аналогичный русскому «и вашим и нашим», и содержит имена омейядского правителя Моавийи и четвертого праведного халифа Али: **ham āš-e moaviye-rā mixorad, ham namāz-e ali-rā mixānad** *С Моавийей похлебку ест, с Али молитвы читает* [8, 302]. Пословица восходит к реальным событиям, имевшим место в X веке в пустыне по близости Кербелы, когда Йазид, сын Моавийи, выступил с войском против небольшого отряда Хосейна, сына Али, и разгромил его, не желая допустить к власти.

Таким образом, мы рассмотрели, каким образом представлена оппозиция «Я – Другой» в паремиологическом фонде персидского языка и выделили некоторое количество универсальных и идиоэтнических когнитивных признаков, свойственных данной оппозиции в персидском языковом сознании. Поскольку исследование паремиологических единиц представляет собой лишь один из этапов комплексного семантико-когнитивного анализа указанной оппозиции, полученные данные необходимо расширить за счет привлечения большего количества языкового материала, в частности текстов художественного и публицистического дискурсов, а впоследствии – верифицировать путем анкетирования информантов. В этом мы видим перспективу дальнейших исследований.

Список литературы

1. Баронин А.С. Этническая психология. – Киев: Тандем, 2000. – 264 с.
2. Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. – М.: Грааль, 2000. – 648 с.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
5. Селіванова О.О. Опозиція *свій / чужий* в етносвідомості (на матеріалі українських паремій) // О.О. Селіванова. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання. – Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. – С. 196–218.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. – М.: Наука, 1973. – 615 с.
8. Охріменко М.А. Персько-український словник емотивної фразеології. – Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2011. – 316 с.